

Татьяна Щурова

«На пути затерянных времен...»

Журнал «Огоньки» (май 1918 – февраль 1919 гг.) – значимое периодическое издание «Серебряного века Одессы», не потерявшее до сих пор читательского внимания. С ним непременно работают краеведы, историки, литературоведы, музейщики. Разгадка очень проста: этот журнал был детищем Незнакомца (Б.Д. Флита, 1883-1937?), талантливейшей личности, популярного и чрезвычайно плодовитого одесского издателя, редактора, журналиста, драматурга. Почти два десятилетия он регулярно публиковал свои фельетоны в газете «Одесские новости», но также был редактором или издателем интересных профессионально сделанных журналов

и газет, успевая печататься и у своих коллег. О многих из этих изданий мы писали на страницах альманахов, восхищаясь незаурядными явлениями в истории журналистики Одессы, какими стали «Сколопендра» (1908), «Крокодил» (1911-1912), ежедневная (!) газета «Обозрение одесских театров» (1911-1917), «Бомба» (1917-1919), «Огоньки», «Огонек» (1919).

Ростислав Александров назвал очерк о Борисе Давидовиче Флите «Незнакомец, которого знали все», но, похоже, и он всех знал, и всегда

Рисун. для „Огоньковъ“ художн. Скифа.

Бдутъ на дачу.

умел привлечь к сотрудничеству опытных и начинающих авторов, верно угадывая их потенциальное развитие в дальнейшем.

Уже много написано о том, что Одесса к концу второго десятилетия двадцатого века стала крупным культурным центром. Сюда приезжали из Петрограда, Москвы, Киева известные мастера литературы и искусства. В городе же в 1918 и в первые месяцы 1919 гг. постоянно происходила смена власти: советы, режим гетмана Скоропадского, интервенты, снова советы, деникинцы... И в этой обстановке Незнакомцу удавалось создавать в литературно-художественном еженедельнике «Огоньки» своеобразную мозаику из очень разных материалов, включавших политическую информацию, актуальные бытовые зарисовки, прозу, лирику, театральную полемику (он и сам писал театральные фельетоны, тематически актуальные и сегодня), а также давать выразительные документальные зарисовки, сделанные хорошими художниками Скифом (Самуил Фикс) и Алеко (А. Костюкевич), иллюстрации и шаржи Семена Зальцера – с этими авторами он сотрудничал и в других изданиях.

В сорока двух номерах журнала, изданного на неважной тонкой бумаге без цветных обложек, собраны редкие публикации, многие из которых стали отправной точкой для изучения творчества или дальнейшей

На Андреевскомъ лиманѣ.

Зарис. съ натуры для „Огоньковъ“ художника Азеева.

1. Воскресная публика, ѣдущая на лиманъ.
2. На берегу лимана.
3. Въ поискахъ дешевой дачи.

Свѣжеиспеченные миллионеры. — „...Такимъ ты долженъ выглядывать,
когда ѣдешь съ женой на бѣга...“

судьбы того или иного автора. Здесь фельетон Аркадия Аверченко, рассказы Семена Юшкевича, Лазаря Кармена, Александра Федорова, очерки Тэффи о животных, рассказы юных Валентина Катаева и Юрия Олеши. И очень много стихотворений «мальчишек и девчонок», ставших впоследствии знаменитыми авторами «Юго-Запада».

О поэзии в журнале «Огоньки» мы поговорим в следующем номере альманаха. Сейчас же хочется представить любопытные прозаические публикации. Например, в октябре 1918 года Флит напечатал два рассказа девятнадцатилетнего Юрия Олеши: «Конец студента Бахромова» и «Ветер». В них нет еще «короля метафор», это образцы ранней прозы будущего мастера. Но здесь точно и тонко переданы настроения и юношеские сомнения влюбленной души, вероятно, связанные каким-то образом с романтическими исканиями самого автора. Взволнованно-приподнятое состояние героев рассказов фабульно уведит молодого литератора в мир «фильмы» с участием Веры Холодной. Автор пытается понять, как чувство возвышенной любви может сочетаться с любовью плотской...

Рядом с романтической прозой уживаются реалии непростой жизни горожан. И сто лет назад Одессу волновало, например, разрастание

Чудеса автомобильной техники. — Новый способ передвижения в Америке на автомобиль-велосипедах.

игорного бизнеса, возмущало открытие многочисленных клубов и мелких притончиков. Интересны впечатления журналиста Василия Страхова, сумевшего украдкой проникнуть в жуткую своеобразную жизнь «темного мирка» и показать ее изнутри.

Рисунки и фотографии знакомят нас с бытовыми подробностями существования одесситов того времени. Например, очень забавно видеть фото «чудеса автомобильной техники», на котором девушка передвигается на «агрегате», очень напоминающем механические самокаты сегодняшнего дня, столь полюбившиеся юношам и девушкам века нынешнего.

Конечно, не хочется обойтись без театральных публикаций в журнале «Огоньки». Как всегда, интересно читать «Театральный фельетон» Незнакомца. Он нащупывает болевую точку в сценическом искусстве и с горечью отмечает пресыщение публики, ее равнодушие к настоящему театру и желание просто потешить свое зрительское «пошлое любопытство». Его возмущает, что публика валом валит

на актерское исполнение своих рассказов писателей Юшкевича, Бунина и Ал. Толстого, на сценические эксперименты «королей экрана» Холодной, Рунича, Максимова или на пение режиссера Евреинова, где все эти попытки уступают самому рядовому исполнителю. В то же время профессиональные актеры не делают сборы. «У всех есть свой стакан – и все хотят пить из другого стакана», – образно определяет проблему Незнакомец.

Лицо и шляпа.

Обыкновенно при выборе шляпы говорят много и хорошае слово, и шляпа выбирается сь этой точки зрѣня. Конечно, противъ этого ничего нельзя въразить, но хороший вкусъ—это дѣлая музыка и какъ всякая наука не должна приниматься на вѣру. Однако оплевчанато, хорошаго вкуса мало, а зашкѣишее произведение искусной мозаики дѣлается свѣшнымъ, если оно вѣето на голову, къ которой оно совершенно не подходитъ. И удивительно, что самая умная женщина носитъ вещи, праваа, модныя, но зато такія, которыя имъ совершенно не идутъ.

А затѣмъ оригинальная шляпа... Оригинальность никогда не бываетъ признакомъ хорошаго тона! Это хорошо должны запомнить дамы изъ силъ въожавшаея, что бы не быть похожими на дружки.

При выборѣ шляпы надо только руководиться—нѣжное, тонкое лицо портитъ большае, провислая шляпа, а напылка же совершенно не подходитъ къ круглому, полному лицу. То же происходитъ съ выборомъ шкѣта. Женщины со смуглой кожей лица не должны носить бѣлыхъ шкѣтовъ, хотя бы они и были очень сь моды. Черная шляпа безъ какой отдалѣи нуть не въѣтъ, въ такія случаетъ жеъ, слѣдуетъ выбрать какъ-нибудь шкѣ-

тѣмъ оттенкомъ. Другая не идетъ только черная шляпа.

Для гармоніи между лицомъ и шляпой болъе важное значеніе имѣетъ настроеніе. (Гармонія въ

данномъ случаѣ — это, когда шляпа имѣетъ лицевъ). Поэтому белая нѣтъ, только одну шляпу. Это утвержденіе обыкновенно вѣдѣваетъ напылка со стороны мужчинъ, особенно мужей. Одну шляпу нельзя нѣтъ оттого, что она не могла имѣть къ одному и тому же лицу. Она и та же шляпа въ разныхъ случаяхъ настроенія женщины и обыкновенно павшаеотъ отъ сознания, что шляпа имѣетъ. Это не есть, какъ многие думаютъ, красная, легкомыслия и пошлости— красная, созданная искусствомъ, вышности есть признакъ высшей культуры.

И затѣмъ еще одно замѣчаніе: красная шляпа имѣетъ краснаго платка. Во всякомъ случаѣ настроенія женщины и обыкновенно павшаеотъ отъ сознания, что шляпа имѣетъ. Это не есть, какъ многие думаютъ, красная, легкомыслия и пошлости— красная, созданная искусствомъ, вышности есть признакъ высшей культуры.

Рис. 1. Солонменная тѣтъ шкѣта шаманомъ съ розовыми перьями, покрытымъ тѣтъмъ. Рис. 2. Черная солонменная шляпа. Отдалѣи два накрестъ положенныя синіяя гусиные перья.

Рис. 3. (Модель Германа Штейнберга Дюссельдорфа). Синяя солонменная шляпа. Отдалѣи какъ бѣлая кожаная лента съ вырѣзаннымъ орнаментомъ.

Рис. 4. Бѣлая солонменная шляпа, покрытъ синими, съ синей тѣтъю и бортомъ, обѣтъ темъ перьями. И. М.

Бурную полемику в прессе вызвала лекция Николая Евреинова «Театр и эшафот», прочитанная в Одессе летом 1918 года. Этот много одаренный театральный деятель был очень популярен, имел широкий кругозор и отличался в своих книгах оригинальностью авторских идей. В своей лекции он смутил слушателей парадоксальностью, утверждая, что «театр – эквивалент эшафота», ибо дает пищу кровавым инстинктам толпы, эшафот сближается с театральной трагедией, у них «одна цель – очищение». Евреинов пытался доказать притягательную силу жестокости, ее театральность, ведущую свою историю еще с Древней Греции. Конечно, критика не могла не отметить, что «казнь и жестокость обговаривались им в условиях революции и Гражданской войны...».

Листая номера журнала «Огоньки», отмечаешь, что материалы в нем – свидетели своей эпохи, но зачастую они оказываются актуальными сегодня и удивительно тематически созвучны с некоторыми проблемами нашего времени.

Азартъ процвѣтаетъ.

И даже теперь, когда организуются общества борьбы съ азартномъ, когда усиленно говорятъ, о «противоазартной агитаци» - все-же попрежнему разрастается «игорный мірокъ», вновь открываются игорные клубы, а иногда и просто - притончики.

Глубоко ночью, когда городъ уже спитъ, тамъ - въ накуренныхъ душныхъ съ завѣшанными окнами залахъ - кипитъ своеобразная жизнь.

Море зеленыхъ столовъ. Остывшіе стаканы чая. Всюду разбросанные окурки. Игроки - возбужденные,

нервно-приподнятые – сосредоточенно склонившись над столами, продвывают привычные манипуляции с колодами карт и грудями бумажных денег или костянных значков, замѣняющих послѣднія. Всѣ они – словно чужды всему, находящемуся за предѣлами зала. Вся

энергия их направлена исключительно въ сторону «девятки» и «шмень де ферь».

– Восемь! О шваль!..

– Аванти!..

– Бакъ!

Человѣку постороннему – здѣсь поневолѣ немного жутко.

Разказъ Юрія Олѣши.

Иллюстрировалъ для „Огоньковъ“ А. Костюкевичъ („Алеко“).

I.

День молодого вѣтра. Сумасшедшій, шумный, стремительный, какъ только въ апрѣль и ранней осенью.

Заря желтая. Дома шатаются. Извиваются проволоки. Все летитъ, торопится. Одинъ я стараюсь не поддаться общей инерціи. Трудно. Особенно на мостовой. Налѣзаютъ лошадинья морды, стрѣляютъ бичи, ревуть автомобили. Со всѣхъ сторонъ - огнедышасія пасти, красные и золотые огни трамваевъ, мечутся пѣшеходы, бьютъ по лицу полы паль-

то, взлетаютъ, кружатся, разбиваются стуки, звоны, слова, принесенныя вѣтромъ издалека.

Почему то колокола гудятъ. Парохода поютъ. Пахнетъ мокрой землей и опавшими листьями.

- Ай, яй, яй, молодой человѣкъ! Ловите! Ловите!

Канотье въ неудержимомъ бѣгѣ подпрыгиваетъ по камнямъ. Трахъ - трахъ - хлоп! Остановилось возлѣ башмачковъ красавицы. Молю Бога, чтобы вѣтеръ взметнулъ ея платье. Взметнулъ! Ай, спасибо... Очарова-

тельная ножка! Закройте скорѣе, поправьте!

Одной рукой хватилась за шляпу, другой ловить развѣвающийся подолъ платья. Название: «Вѣтеръ». Набросокъ модерниста.

А все таки грустно. Богъ его знаетъ, грустно – и пріятно. Пріятная жалость къ себѣ – чувство отъ дѣтскихъ лѣтъ.

Мнѣ не грустить надо: тосковать, мучиться. Вспоминаю. Такое положеніе, что трудно описать, чтобы было понятно. Я вѣдь не снизу смотрѣлъ, – а профиль ея былъ на фонѣ черного, картоннаго неба. И почему звѣзды были видны, хотя слѣпилъ розовый, дуговой фонарь? И гдѣ фонарь – надъ вывѣской, а профиль низко, – но какъ будто отъ нихъ полъ аршина разстоянія. Одинъ моментъ, на ходу – потому все смѣшалось и запомнилось въ своемъ перемѣщеніи относительно меня. Это было недѣлю назадъ. Позвольте, какъ она была одѣта? Ну, этого не забудешь. Совсѣмъ не похоже на амазонку, – а вотъ почему то запомнилась какъ амазонка. Импрессионизмъ!

Черное платье. Какое то плотное, но не тяжелое, видно. И идетъ же ей, когда талья схвачена... А какая она тонкая въ немъ. Какъ дѣвочка! Узкій мысъ тѣла. Вырѣзъ спереди больше, чѣмъ на плечахъ.

– Вероника. Определенно золотое имя. Не объяснишь. Я подписался

подъ письмомъ такъ: «не забывайте»... и затѣмъ имя и фамилія въ родительномъ падежѣ. Письмо дурацкое, влюбленный лепетъ, хоть, напившись въ «Гамбринусъ» и говорилъ, что не письмо – а молитва. Ахъ, мальчишка, мальчишка!..

Въ лицо сыплются мелкія капельки, и рукава становятся мокрыми: сырость, отъ которой и холодно и жарко въ одно время.

Вероника – это та, которую я люблю и которая меня не любитъ. Вероника, изъ за которой я застрѣлюсь. Не застрѣлишься. Разговорчики. Такъ просто – театръ для себя. Есть и тоска, и горечь и мысли о смерти, но что то есть сильнѣе, что смѣется. Ну, да молодость. Значитъ въ молодости ни радость, ни боль не искренни?

Уже совсѣмъ темно. Зари нѣтъ. Вѣтеръ! Вѣтеръ!

Какое то предчувствіе. Начало cadaго сезона – время предчувствій. Чего еще ждать? – Вероника на письмо не отвѣтила. Можетъ, не получила? – Получила. Недаромъ глаза прищурила, когда встрѣтились.

Чего я хочу отъ Вероники? Прежде всего я ее люблю. Ну, если любишь, значитъ радуйся, что видишь хоть издалика. Написалъ письмо, – слѣдовательно, одной приглядки мало. А что же нужно? И снизу, Богъ вѣсть изъ какихъ глубинъ сердца просасывается нехорошій, но такой истинный, такой живой отвѣтъ – нужно касаній.

Касаній? Значить – похоть! А любовь? Вѣдь я ее люблю. Или похоть и любовь одно и тоже? А, можетъ быть, похоть, которая возникаетъ при любви, уже не похоть? Но все таки, все таки все сводится къ касаніямъ! Чортъ возьми – ясно, что такъ и должно быть: это от природы, отъ души и плоти. Похоть, и великолѣпно! Развѣ и осквернилъ бы свою любовь, обладая Вероникой, – а обладая Надькой, я оскорбляю похоть. Потому что Надьки я не люблю. Тонкое различіе – похоть любящаго и похоть нелюбящаго. Философія!

Улица Памятника. Любимая моя улица. О, этотъ мостъ! Какая чудесная ограда. Когда идетъ снѣгъ, то, если смотрѣть черезъ нее, дома вдали, повисшіе надъ узкой старинной улочкой, напоминаютъ обложку сказокъ Андерсена.

Здѣсь меньше пѣшиходовъ, но зато листья, листья! Летаютъ, мечутся, шуршатъ подъ ногами... А возлѣ обочинъ тротуаровъ отъ нихъ мягко ступать. Иногда, осенью, бываетъ такъ: вчера еще улицы были чисты, а выйдешь утромъ – и все желтое отъ листьевъ, точно за одну ночь аккуратно осыпались порыжѣлые и сухіе.

Вдругъ сердце падаетъ – моментъ небытья, и сразу застучало, какъ молоть. Да, да! Нѣтъ, не можетъ быть! Она! Она! Она!

О, улица нечаянной радости! Встрѣтилъ – Гдѣ? Когда? Кто бы ожидалъ... Сердце... Сердце...

Идетъ изъ темноты Вероника. Ликую и страдаю. Отъ счастья и испуга. Всегда пугаюсь, когда вижу ее. Почему?..

Прыгнули дома, упалъ памятникъ, поплыли огни.

– Здравствуйте!

– Здравсс...

Боже мой, лицо! Удержать – удержать... еще! еще! Куда тамъ!

Оглянулся. Вероника... Желтый непромокаемый плащъ и поблескивающая небольшая шляпа, даже не шляпа – что то вродѣ шапочки съ бархаткой вокругъ лица... Идетъ, отводя руку въ сторону.

Боже мой, какъ стучитъ сердце. Лопнетъ. Сказала «Здравсс»...

Остановился. Повернулъ за ней. Замѣтитъ! Скажетъ:

– Какого вы черта лѣзете? Письма какія то! Слѣжка! Мальчишка! Я на васъ плевать хочу!

Осторожно ступаю, прячусь въ темнотѣ. Зрѣніе морского волка. Держусь на разстояніи полуквартала. Иногда кажется, что потерялъ... Нѣтъ, вотъ она. Въ полосѣ свѣта.

Ахъ, эти прохожіе, ахъ этотъ вѣтеръ... Все мѣшаетъ, путаешь, крутитъ передъ глазами...

Куда она идетъ? Ахъ! Неужели въ драму? Одна! А вотъ не встрѣтилъ бы, болтался-бъ по улицамъ – и не зналъ бы, а такъ проведу изумительный вечеръ – вечеръ съ Вероникой. Звучитъ громко! Можно подумать, что сидѣть буду съ ней рядомъ, разговаривать, а потомъ домой провожать въ пролеткѣ.

Да, какъ бы не такъ! Во первыхъ она будетъ сидѣть, вѣроятно, въ четвертомъ-пятомъ ряду, а я – въ концѣ. Буду дожидаться антрактовъ, чтобы видѣть ее ближе, гдѣ нибудь въ фойѣ, когда всѣ прогуливаются.

Театръ уже въ огняхъ. Масса публики у портала. Какъ она быстро идетъ! Вечеръ съ Вероникой – это, какъ во снѣ. Увижу, значить, ее безъ шляпы. Навѣрно, платье какое-нибудь

„Вероника на письмо не отвѣтила. Можетъ быть не получила.“

нарядное, оголенные плечи и руки такія особенныя, театральныя. Женщины въ театрахъ всегда какія то особенныя.

Вдругъ неожиданность. Есть двѣ подрядъ небольшія темныя улицы, недоходя театра, улицы съ дурной репутацией. Женщина съ подведенными глазами, удивительная женщина, взглянула на меня такъ, что сладко въ спинѣ стало. Вѣтеръ повернулъ ее и обтянулъ ноги платьемъ. Ноги! Ноги! – Во рту высохло. Конечъ.

Вероника поднялась по ступеням. Вошла.

Останавливаюсь. Женщина тоже. Денегъ у меня хватитъ. Раззорюсь окончательно.

– Смотрите, вѣтеръ унесетъ! – говорю я глупымъ тономъ подъ денди.

– Спасайте, – отвѣчаетъ женщина.

– Идите за мной.

Она смѣется. Какая интересная! Навѣрно, изъ дорогихъ.

– Вы похожи на мою первую любовь! – это я говорю обычно такимъ женщинамъ.

Она улыбается крашеннымъ ртомъ.

– Знаете что? Идемъ въ театръ.

– Не стоить.

– Почему?

Беру ее подъ руку. Пальцы скользятъ по шелку отъ локтя къ ладони.

– Идемъ, идемъ... Не разговаривайте.

Она уже прижимается тѣснѣй. О, эти мурашки по спинѣ!

Заходимъ въ вестибюль. Ищу глазами Веронику. Вотъ! Уходитъ? Что такое... Куда? Ахъ, вотъ этотъ господинъ, который съ ней повсюду... Подошла къ нему.

– А у тебя кокаинъ есть? – спрашивает моя дама шопотомъ.

Я не отвѣчаю. Прислушиваюсь къ разговору тѣхъ двухъ. Боже мой, что за голосъ у нея!

Она спиной ко мнѣ. Господинъ значительно выше ея, улыбается, глядя сверху.

– Что за интересъ! – голосъ Вероники: билетовъ еще не бралъ?

– Нѣтъ.

– Великолѣпно. Идемъ въ «Нетопыръ».

– А! – отмахивается.

– Ей, Богу, тамъ лучше!

Я вижу, какъ они уходятъ... Рука, отведенная слегка назадъ, бархатка вокругъ лица, красные уголки глазъ. Не видѣла.

– Идемъ лучше въ «Нетопыръ», – говорю я.

– Морочишь голову.

Онѣ сразу переходятъ на «ты».

У нея чудесное углубленіе лопатокъ. Видно въ вырѣзѣ. Какъ хорошо поцѣловать туда.

– Какъ тебѣ не холодно въ этомъ шелкѣ?

– Сердце горячее.

Отвѣтъ, котораго я ждалъ.

Идемъ въ «Нетопыръ». Веронику я потерялъ изъ виду.

II.

Программа уже началась. Въ фойѣ только билетеры. Покупаю два билета третьяго ряда. Входя въ полутемный залъ, стараюсь разглядѣть публику. Садимся. У нея мокрый, большой ротъ:

поблескиваетъ въ темнотѣ отъ свѣта со сцены. Предвкушаю, – и замираю весь.

Номеръ окончился, Лиловый занавѣсъ упалъ, рампа вспыхнула. Хлопаютъ. Оглядываю залъ. Еще разъ, еще и еще. Нѣтъ! Чортъ возьми! куда же они ушли?..

– Ты мнѣ нравишься! – голосъ низкій и щекочущій мнѣ горло. Сжимаю ея руку. Вся прикидается.

Гдѣ же Вероника? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Выходитъ молодой человекъ со стеклышкомъ въ глазу, осторожно минуетъ суфлерскую будку, волнуетъ сверху до низу занавѣсъ, и начинаетъ.

– Итакъ, сейчасъ вы видѣли...

Неужели они и отсюда ушли?

– Только хлопайте. Посильнѣе – оканчиваетъ и скользитъ за занавѣсъ.

Глупо сидѣть здѣсь. Лучше пойти ко мнѣ.

Дома деньги: пошлю за виномъ, фруктами и сладостями, устрою нѣчто невѣроятное. Почему уже недосадно на Веронику?

– Плюнемъ на дѣло. Скука.

– А? – она говоритъ «а» – нѣжно, склоняясь ко мнѣ.

– Скука. Идемъ ко мнѣ.

– Вотъ невозможный.

– Дома кокаинъ!

– Ну?

– Честное слово.

Встаемъ и уходимъ изъ зала.

Въ фойѣ сталкиваемся съ Вероникой и ея спутникомъ. Что это! Боже мой, что она подумаетъ! Вѣдь это сыскъ – куда она, туда и я. Сейчасъ скажетъ

ему, а онъ какъ трахнетъ меня палкой по головѣ: «не бѣгай, мальчишка, за Вероникой Станиславовной!»

Посмотрѣла на меня серьезно и, Боже мой, недовольно.

Что дѣлать? Назадъ въ «Нетопырь»? Что тогда подумаетъ эта въ черномъ. Еще скандалъ подниметь? Бросить ее и остаться, или вести къ себѣ?

Они берутъ билеты. Вероника почему-то хохочетъ.

«Мы весело провели время».

Вечеръ съ Вероникой или это углубленіе между лопатокъ?

– Чего жъ ты сталь? – спрашиваетъ она. Въ это мгновеніе я замѣчаю, какъ черный шелкъ на груди у нея возлѣ вырѣза чуть отстаетъ надъ тѣломъ

и образуетъ плѣнительную темноту, гдѣ я вижу кружево. Конечъ.

– Какъ тебя зовутъ?

Она отвѣчаетъ:

– Валя.

Я почему-то начинаю дрожать. Приятная дрожь, отъ которой трудно говорить.

– Валя, ты меня любишь?

Глупѣйшіе разговоры.

Потомъ на улицѣ она меня цѣлуетъ въ губы.

Приходимъ ко мнѣ. Хозяевъ квартиры нѣтъ: тѣмъ лучше. Я иду за виномъ. Покупаю двѣ бутылки удѣльнаго, грушъ и винограду. Весело проводимъ время.

Вотъ послѣ этого говори о подвигахъ любви, о прекрасныхъ дамахъ, о тоскѣ, о томъ, что въ огонь попадешь изъ-за нея... Чепуха.

Я записываю въ дневникъ:

«Я страдаю. Никакъ иначе нельзя назвать то, что я испытываю отъ нераздѣленности моей любви.

Но возможность близости къ интересной и доступной женщинѣ сдѣлала такъ, что я потерялъ счастливый случай видѣть цѣлый вечеръ ту, которая мнѣ дороже всѣхъ людей. Заключаю: молодость не можетъ ни любить, ни ненавидѣть. Любовь молодого человѣка – это наиболѣе ярко выраженное желаніе. Почему то думаютъ, что «чистая» любовь свойственна юношамъ. Ничего подобнаго!»

Юрій Олеша.

Театральний фельетонъ.

Какъ хорошо, когда каждый дѣлаеть свое дѣло.

Когда Евреиновъ режиссируетъ пьесы и пишетъ книги о театрѣ. (Впрочемъ, многіе говорятъ, что послѣднее вовсе не такъ хорошо!)

Когда Вѣра Холодная, Руничъ и Максимовъ играютъ для Великаго Нѣмого.

Когда Юшкевичъ и Бунинъ, и Ал. Толстой пишутъ хорошія книги или пьесы, а актеры ихъ хорошо играютъ...

Но такова ужъ иронія судьбы:

Каждый хочетъ дѣлать не то, что составляетъ его специальность.

Юшкевичъ и Бунинъ ѣздили въ Кіевъ читать свои рассказы и даже «сдѣлали» сборъ – какъ говорятъ – въ 14 тысячъ.

Вѣра Холодная съ Руничемъ хотятъ играть на сценѣ.

Евреиновъ поетъ свои пѣсенки, уступая въ этомъ самому рядовому исполнителю.

Та же Вѣра Холодная непремѣнно хочетъ танцевать танго, и, конечно, этого дѣлать не умѣетъ, как не умѣетъ балетная артистка пѣть въ оперѣ!..

У всѣхъ есть свой стаканъ, – и всѣ хотятъ пить изъ другого стакана:

– Такъ болѣе сладко!..

Быть можетъ, для нихъ, но не для публики.

Но публика валить.

Такая артистка, какъ Полевицкая, уже не дѣлаетъ полныхъ сборовъ.

Драма не привлекаетъ полного зала.

Это ли не позоръ, ли не стыдъ для Одессы. Вся Россія зла на Ливскаго, отнявшаго Полевицкую у Россіи для Одессы, а Одесса ходитъ въ кино, и не рвется въ драму съ такой артисткой, какъ Полевицкая?

А посмотрите, что творится на «гастроляхъ» Максимова или Вѣры Холодной?

Сборы по 15 тысячъ.

Оваціи, истерики, гимны и колѣнопреклоненіе...

Шаржъ Зальцера.

Н. И. Евреиновъ (Шаржъ).

Вѣра Холодная,
„королева“ экрана.

Максимовъ отвратительно читаетъ плохіе стихи.

Вѣра Холодная ужасно танцуетъ и плохо играетъ.

Евреиновъ слабо подражаетъ Ильсарову или Юргенсону.

И сборы въ 14-15 тысячъ.

И шумъ и крики, и восторги и цѣвѣты...

Какъ хотите, – въ этомъ есть что то ужасно не здоровое, любопытство мѣщанское, интересъ не театральнѣй, а пошло-обывательскѣй.

Во всемъ этомъ есть букетъ пошлости...

Одинъ умный и чуткѣй старый театраль сказаль мнѣ:

– Если я захочу смотрѣть артистку въ драмѣ, я поѣду слушать Полевицкую, Юреневу, Пасхалову, даже Самборскую. Но почему артистка кино, Вѣра Холодная должна играть въ драматическомъ отрывкѣ, а я должень ее слушать?

– Не ходите!

– Я то не пойду, но это стадо, публика, въ театрѣ не ходитъ, а на королей экрана побѣжала стремглавъ.

Говорять – что въ театрахъ упали сборы потому что теперь гастролируетъ «Испанка».

Но вотъ же въ «Гротескѣ» Вѣра Холодная набила театрѣ биткомъ, уплотнивъ массу публики до того, что на одномъ креслѣ сидѣли по двое.

Тутъ «Испанка» не помѣшала.

Больные приползли, слабые притащились.

– Интересъ не къ искусству, а просто любопытство къ тому:

– Какая она изъ себя?

– Какое платье носить?

– Какая шляпа?

Тутъ любовь къ театру не ночевала, интересъ къ искусству очень относительнѣй.

Конечно, короли экрана, короли литературы и всяческіе короли дѣлають не то, что они могутъ дѣлать, не только изъ за каприза.

Это дѣлается изъ за денегъ.

За это хорошо, слишкомъ хорошо платять, но нездоровое любопытство

публики отъ этихъ баснословныхъ цѣнь, взвинченныхъ безумно, еще болѣе разгорается.

Для истинныхъ театраловъ такая переоцѣнка цѣнностей очень полезна, потому что изъ ихъ нервовъ можно теперь сдѣлать шнуры для ботинокъ, – а это нынче... очень важно.

И быть можетъ потому, что артисты кино играютъ въ драмѣ, а артисты драмы пошли въ кино, – быть можетъ, потому что искусство замѣнили любопытствомъ, – у насъ уже нѣтъ былого театральнаго энтузіазма...

И въ самомъ дѣлѣ, есть ли теперь тотъ огонь у публики, который согрѣвалъ театръ въ прошломъ?

Какой смѣшной и наивной кажется теперь фраза Бѣлинскаго о жизни и смерти въ театрѣ?

Есть ли теперь любимцы у публики, есть ли истинные властители думъ?

Нѣтъ, – кино, клубы и опошленіе театра – убили энтузіазмъ публики.

Вотъ почему нынѣшняя публика почти вся поражена скукой или пресыщеніемъ, почти вся она скучаетъ уже до начала дѣйствій.

Не правда ли, глаза нынѣшней публики не горятъ огнемъ.

У нея нѣтъ пыла ни къ пьесѣ, ни къ исполнителямъ.

А между тѣмъ, въ Одессѣ театру удѣляется прессой столько любовнаго вниманія, столько теплаго доброжелательства, какъ ни въ одномъ городѣ Россіи...

Одесская пресса удѣляетъ театру много мѣста, относится къ нему сердечно и, кажется, воспитываетъ вкусы публики достаточно стойко.

Но и кромѣ общей, – въ Одессѣ теперь расцвѣтъ театральной прессы.

Мы имѣемъ прекрасный, серьезный, вдумчивый журналъ «Фигаро», превосходящій почти всѣ бывшіе столичные театральные журналы, кромѣ развѣ «Театра и Искусства», и сразу заставившій себя уважать и къ себѣ прислушиваться.

Мы имѣемъ очень живой, доступный для массъ первый по времени – и удѣляющій мѣсто всѣмъ театрамъ, журналъ «Мельпомену».

Мы имѣемъ и нѣсколько другихъ театральныхъ органовъ, – и все это, казалось бы, должно звать зрителя въ театръ, будить театральнй интересъ, волновать и мучать...

А между тѣмъ публика къ настоящему театру просто равнодушна...

Глубина пьесы бѣжитъ отъ насъ, и наши трепетные глаза лишь хотятъ развлечения, наши сердца поражены пошлымъ любопытствомъ.

Виновать ли въ этомъ упадокъ театра, виновато ли время, виноваты ли артисты, побѣжавшіе за золотомъ, чтобы догонять его въ ущербъ славы – не берусь судить.

Но на грустныя мысли наводятъ теперь и публика и театръ.

И та и другой омѣщались.

Незнакомецъ.